

Эдуард Говорушко

НЕ ИЗМЕНИВШИЕ СЕБЕ

— — — — —
Драгомировы и другие

Эдуард Говорушко

**Не изменившие себе.
Драгомировы и другие**

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-94
ББК 68

Говорушко Э. Л.

Не изменившие себе. Драгомировы и другие / Э. Л. Говорушко —
«У Никитских ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-377-8

Михаил Александрович Арагомиров – один из талантливейших военачальников русской истории, крупнейший военный теоретик, атаман Сирко из репинских «Запорожцев», преподаватель и публицист. Именно его книгу, вышедшую в Киеве в 1898 году, получил в подарок Эдуард Говорушко. Судьба книги, проделавшей длинный путь русской эмиграции – из Киева, через Одессу и Батум, через Константинополь, через Неаполь и Рим, через Париж и Ниццу – в маленький «русский» Си-Клиф на берегу Атлантического океана, эта необыкновенная судьба и стала поводом к написанию серии очерков о семье Арагомировых-Лукомских.

УДК 82-94

ББК 68

ISBN 978-5-00095-377-8

© Говорушко Э. Л., 2017
© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Вместо предисловия. История одного автографа	6
Последнее желание. Историческая повесть	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эдуард Говорушко

Не изменившие себе.

Драгомировы и другие

© Говорушко Э.Л., 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

* * *

Моим друзьям с благодарностью: Анатолию Каменеву – за идею этой книги, Ивару Броду – за помощь в подготовке иллюстративного материала

Вместо предисловия. История одного автографа

С каким-то неизъяснимым душевным трепетом всегда открываю любую книгу, изданную ранее века назад, особенно с автографом. Может быть, потому, что скопила она в себе энергетику целых поколений людей – наборщиков, печатников, автора и сотен держащих ее в руках и читавших до меня. А разглядывая автограф, пытаюсь представить, что чувствовал в этот момент писатель, делавший надпись на титульном листе, а потом узнать побольше не только о нем, но и о том, кто удостоился высокой чести получить такой подарок от автора. Ведь даже капля из океана истории интригует и завораживает.

Сейчас передо мной компактное издание киевского книгопродавца Н.Я. Оглоблина 1898 года в твердом старинном переплете – «М. Драгомиров. Очерки: Разбор «Войны и мира». Русский солдатъ. Наполеон 1-й. Жанна д'Аркъ». Издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина». Как водится, есть разрешительная надпись: «Дозволено цензурою. Киев 8 мая 1898 года. Отпечатана в типографии С.В. Кульженко, расположенной на Ново Елисавет. ул. соб. д. 1. Киев. 1898».

На титульном листе – каллиграфическая надпись черной тушью рукой автора: «Княгине Софье Николаевне Барятинской. На добрую память». Подпись автора и дата 4.10.1901 года». На следующей странице портрет очень мудрого на вид человека в генеральском мундире с крестом.

Каюсь, до того я, как, думаю, и большинство моих современников, незаслуженно мало знал о Михаиле Ивановиче Драгомирове. Да, был такой русский генерал, полководец, герой русско-турецкой войны. Вот и все, в общем-то. Что я знал о княгине Софье Михайловне Барятинской? Ничего, кроме того, что носила она фамилию покорителя Кавказа, генерал-фельд-маршала князя Александра Ивановича Барятинского, пленившего легендарного Шамиля.

Мы уже никогда не узнаем, почему Драгомиров решил подарить свою лучшую книгу Софье Михайловне Барятинской, подруге своей дочери, жене своего адъютанта. Просто из уважения, а может, и из-за романтических чувств? Правда, в это время даритель уже перешагнул семидесятилетний возраст, а княгине, которую окружающие признавали очаровательной и нежной, разливавшей жизнь вокруг себя, было только тридцать три. Но ведь еще Пушкин сказал – «любви все возрасты покорны». Можно лишь предположить, что сделать подарок княгине – инициатива генерала, иначе книга вряд ли вернулась бы в его семью. А может, в самый последний момент заслуженный генерал оробел и не решился на такой многозначительный шаг, что опять-таки не исключает романтических чувств.

Из интернета теперь каждый из интересующихся любой знаменитостью может легко узнать ее биографию. Я же, рассказывая в этой короткой повести о генерале Михаиле Ивановиче Драгомирове, буду пользоваться данными практически из первых рук – редкой машинописной рукописью его зятя, генерал-лейтенанта царской армии, участника Первой мировой и Гражданской войн в России Александра Сергеевича Лукомского, одного из организаторов белогвардейской Добровольческой армии, и воспоминаниями внучки Драгомирова, Софьи Александровны Исаковой (Лукомской).

Воспоминания отца и дочери Лукомских позволили мне пятью годами раньше проследить судьбу Софьи Михайловны Драгомировой (Лукомской) – дамы с портретов, написанных выдающимися русскими художниками И. Репиным, В. Серовым и З. Серебряковой (Э. Говорушко, «Дама с портрета», журнал «Москва», № 1, 2012, публикуется здесь с дополнениями).

И вышеупомянутая книга, и рукопись – наследие Софьи Александровны Лукомской, внучки одного генерала и дочери другого. Подарила мне ее Мария Александровна Иордан, вдова Алексея Борисовича Иордана, в семье которых в городке Си-Клиф близ Нью-Йорка на склоне лет жила Софья Александровна. Трудно даже себе представить, сколько и в каких усло-

виях пропутешествовала книга Драгомирова из Киева в США, повторив весь тернистый путь белогвардейских офицеров и их семей.

Добавлю к этому – оба генерала, да и вообще русские генералы царской выучки, писали емким, образным и в то же время точным языком, владение которым представляется качеством врожденным. Признаюсь, мне даже трудно поверить признанию генерала Лукомского в том, что он с первой попытки не поступил в Академию Генерального штаба, потому что провалил экзамен по русскому. Кстати сказать, Мария Александровна Иордан, чистой русской речью которой можно заслушаться, как-то призналась мне, что никогда не изучала русский язык в школе и по учебникам. Только в родительском доме!

Софья Александровна Лукомская-Исакова скончалась в августе 1997 года на 94 году от рождения. Подумать только – мы могли бы встретиться в США, сведи меня судьба с Иорданами на несколько лет раньше!

Живописный поселок Си-Клиф на Лонг-Айленде не без основания считают русским: здесь с начала двадцатых годов обосновались сотни, если не тысячи эмигрантов из России первой и второй волн. Значительная часть воспоминаний посвящена Си-Клифу и его обитателям.

Для этой книги я решил подготовить записки С. А. Лукомской в жанре интервью, к которому опоздал. Тешу себя надеждой, что такой подход позволил не только придать им сюжетную стройность, но и сделать более занимательными. На все мои вопросы я легко нашел ответы, являющиеся точными цитатами из ее воспоминаний.

Есть в этом документе отдельный и довольно обширный раздел, который касается жизни матери и дочери Лукомских в Париже. Особенно интересна, на мой взгляд, та его часть, где описывается жизнь в городе-празднике во время Второй мировой войны, в период немецкой оккупации. Эта часть воспоминаний нуждалась лишь в незначительном редактировании, а потому, подготовив ее к печати, предлагаю читателю целиком под своим названием «Париж всегда Париж».

Части своих воспоминаний сама С. А. Лукомская отделяет одну от другой главным образом названием описываемых мест и датами, чаще всего в очень широком диапазоне. Например, «Париж, 1926-1946 годы» или «США, 1950-1960 годы». Мне такое датирование показалось излишним, так как время прослеживается в контексте повествования, да и в тексте есть ссылки на даты или время года.

Последнее желание. Историческая повесть

О генерале Драгомирове государь вспомнил, а скорее всего, ему напомнил военный министр, когда после тяжелого поражения русской армии под Мукденом в феврале 1905 года был поднят вопрос о смещении бездарного главнокомандующего А. Н. Куропаткина. Семидесятипятилетний генерал Драгомиров, числящийся членом Государственного совета, находился в это время на покое в родовом имении под Конотопом и чувствовал себя неважно. И вдруг в четыре пополудни получает письмо с фельдъегерем от военного министра генерал-адъютанта Виктора Викторовича Сахарова.

Распечатав конверт и прочитав депешу, Михаил Иванович пригласил к себе зятя, приехавшего вместе с женой на короткие каникулы. В кабинете Александр Сергеевич увидел, что тесть сидит за столом с победоносным видом, по привычке поглаживая больное колено.

– Вот министр извещает, что царь готов и может предложить мне должность главнокомандующего войсками на японском театре военных действий, – сообщил Драгомиров с нескрываемым удовлетворением. – Посоветовал подумать над этим... Как думаешь, что я ему скажу?

А почему бы и не согласиться, подумал Лукомский. Михаил Иванович досконально осведомлен о ситуации на японском фронте, так как с самого начала войны пристально отслеживает и анализирует кампанию против японцев, изучает ход отдельных сражений и стычек, получая массу писем с места событий. И не просто любопытства ради, а потому что решил переработать свой учебник тактики. Крупный военный теоретик прекрасно сознает, что сила современного огнестрельного оружия и другие технические усовершенствования непременно должны изменить прежние тактические положения, формы и требования. Знает он и непростительные ошибки нынешнего главнокомандующего, так как не раз анализировал и его действия, и действия командира 1-й японской армии Куроки. Более того, он заранее раскусил тактический план Куроки – парализовать наш флот, высадить десант в Корее и направить его к Лаоляну, тем самым обезопасить себя с этой стороны и – начать осаду Порт-Артура... Так и вышло, но эта тактика японцев оказалась сюрпризом для Куропаткина, которого Михаил Иванович считал главным виновником поражений от японцев.

Важно и другое: старому генералу все еще хватает смелости и решительности при принятии рискованных, но необходимых решений, да и амбиций не занимать. Поразмыслив с минуту, решил, что Драгомиров вряд ли откажется. Ответил, однако, уклончиво:

– На девяносто процентов уверен, что согласитесь, Михаил Иванович! Но это, избави Бог, не совет! Вам решать!

– Почти угадал, но раз министр просит подумать, погожу... Да и утро вечера мудренее – завтра тебе первому откроюсь. Сахаров пишет: если царь не передумает, в Конотоп придет телеграмма, и я должен срочно прибыть в Петербург. А может, твои десять процентов за ночь меня переубедят. А теперь в сад, ноги и мозги поразмять...

Что-что, а мозги у него в порядке и голова ясная, дай бог каждому в этом возрасте, подумал подполковник Лукомский, провожая тестя в сад, в котором с наступлением теплых весенних дней тот проводил все больше и больше времени с блокнотом и книгой в руках.

– Ни моей Соне, ни твоей, прошу, – ни гу-гу – разволнуются раньше времени, а может, и зря, – попросил Михаил Иванович, усаживаясь на свою любимую скамейку.

Фельдъегеря в этом доме появлялись довольно часто, то из Киева, а то из Петербурга, – Драгомиров и на покое старался держать руку на пульсе военной жизни. Дамы к курьерам привыкли и не обратили внимания на очередного. За ужином же Михаил Иванович хотя и светился в ожидании перемен, но источника света не выдал. Лукомский, однако, с радостью заметил, что, встав из-за стола, тесть забыл у кресла свою палку...

* * *

Старый боевой генерал чувствовал, что вряд ли переживет этот год. Но смерти не страшился, как не боялся ее две категории людей: прожившие долгую и успешную жизнь, а также отчаявшиеся и спившиеся неудачники. А кроме того, он выбрал стезю солдатскую, хотя сейчас и в высоком генеральском чине, а солдат всегда живет рядом со смертью.

А вот предсмертных мук опасался. Не нравственных, с совестью у него было все в порядке, а физических. При одной мысли об этом у него начинало ныть раненое колено, словно напоминая о пережитой когда-то боли. Поэтому с недавних пор у него появилась тайная молитва наполовину собственного сочинения: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешного, – дай мне смерть быструю, легкую и безболезненную, когда на то будет воля Твоя!»

Впрочем, есть ли физические страдания сильнее боли, которую учинила ему турецкая пуля, раздробившая коленную чашечку? Той, которая часто снится ему до сих пор и которую не дай Бог снова испытать хоть на мгновение.

Но кончину свою генерал не прочь отсрочить, о чем многократно молил Бога. Не то чтобы очень уж хотелось жить в этом состоянии, но Драгомиров спешил закончить главный труд своей жизни – «Курс тактики», по которому обучались все русские офицеры со дня выхода книги в жизнь. Издавался учебник при жизни автора 29 раз. Следующее издание, пусть и посмертное, состоится лишь в случае, если автор успеет переработать курс с учетом требований современных военных кампаний, при использовании войсками новых, не виданных ранее видов оружия. Так он сам решил.

Сон не шел... Как быстро пролетела жизнь! Кажется, только вчера, ну позавчера он, Миша Драгомиров, семнадцатилетний кадет Дворянского полка, получил звание фельдфебеля, а после завершения учебы с отличием стал прапорщиком лейб-гвардии Семеновского полка. А потом годы помчались за годами, как время в ходе сражений, когда в горячности боя не замечаешь, что вдруг потемнело, опустилась ночь и можно расслабиться.

Нет, он не перебирал в памяти звездных вех своей жизни. Окончание Академии Генштаба по первому разряду с золотой медалью, приглашение на профессорскую должность в академии, первая научная публикация, разработка методике по воспитанию войск, встреченной одними с восторгом, другими с желчной завистью, блестящее форсирование Дуная, в котором его 14-я дивизия, подготовленная к войне по этой методике, в боевых условиях показала ее действенность. После того назначение его на должность начальника Академии Генштаба даже недоброжелатели восприняли как закономерное повышение по службе известного военного теоретика и писателя с опытом успешного военачальника. Триумф в Париже, где его лекции встречались овациями, а высшие лица государства устраивали приемы в честь русского генерала и писателя... Дружил и с царями, будучи воспитателем их венценосных детей, одно это уже можно считать наградой, но были и другие, самые высокие в Отечестве, полученные из рук государей. Все, за что ни брался Михаил Драгомиров, – все у него получалось, и, между прочим, без особых затруднений. Будто бы ангел вел его под руку с одной ступени на другую! Только вот ошибся ангел, не отошел от него к сыну Ванечке, когда тот приставил к виску револьвер из-за несчастной любви к Александре, дочке генерала Домонтовича¹... Но как бы в попытке оправдаться ангел послал ему зятя, который стал уважаемым и любимым сыном, а главное – единомышленником и сподвижником.

¹ Александра Михайловна Домонтович (1872-1952), в замужестве Коллонтай, – русская революционерка, после революции 1917 года – министр в советском правительстве, чрезвычайный и полномочный посол СССР.

Много было триумфов на его ратном, мирном и творческом путях, но сейчас, в ожидании где-то задержавшегося сна, воплотились все они просто в счастливое ощущение удавшейся жизни. И вот, похоже, она дает ему еще один шанс... Как дал Бог шанс шестидесятипятилетнему больному Кутузову, призванному победить и изгнать из России Наполеона и... умереть. Даже если услышал Господь его молитву и посылает ему смерть на ратном поле, разве можно от такого отказаться? Умудренный опытом общения с властью предержавшими, хорошо зная переменчивый характер нынешнего государя, Драгомиров жалел, что кто-то другой сейчас является хозяином его судьбы, понимал, что новое назначение еще вилами по воде писано, надежда отправиться на последнюю свою войну остается призрачной. Бог с ней, он не очень-то расстроится в случае отказа, но свой шаг сделает, сам не откажется. Ни за что!

С этим и уснул легким, но недолгим сном, проснувшись на удивление бодрым. И сразу же послал разбудить зятя. Подполковник, направляясь в кабинет, уже догадывался, какое решение принял генерал. И не ошибся.

– Если получу это предложение – соглашусь, – сообщил ему Драгомиров. Лукомский удивился перемене, происшедшей в стареющем генерале за ночь. За столом тесть сидел в белой папаше, в которой любил участвовать в маневрах и даже принимать посетителей в кабинете командующего округом, был торжественно подтянут и воодушевлен.

– Теперь главнокомандующему не нужно гарцевать на коне, не только можно, но и должно управлять войсками издали. Я чувствую, что еще в силах послужить царю и Отечеству! И таких глупых ошибок, как Куропаткин, уж точно не наделаю!

– Нисколько не сомневаюсь, Михаил Иванович, – произнес в ответ Лукомский. – Как и в том, что Куропаткин будет посрамлен, а вы сможете внести перелом в ход кампании...

– Подожди, подожди с гаданием на кофейной гуще. Государь еще решения не принял, и телеграммы я еще не получил. Но коли станется, поедешь со мной. Согласен?

– Спрашиваете!.. Я уже несколько раз писал рапорты с просьбой отправить меня на Дальний Восток. С вами отпустят, вам не откажут.

* * *

Подполковник Лукомский до направления в Киевский военный округ, которым командовал генерал Драгомиров, знал о командующем сравнительно немного. Знал, что тот был прежде профессором кафедры в Академии Генерального штаба, затем начальником академии, что в вопросах обучения и воспитания войск исповедовал заветы Суворова. И, наконец, был осведомлен о том, что обученная им таким образом 14-я пехотная дивизия, с которой Драгомиров участвовал в русско-турецкой войне, под огнем врага быстро и сноровисто навела переправу через Дунай, чем позволила русской армии развить успех. В дальнейшем дивизия блестяще действовала при обороне Шипки. В одном из боев там Драгомиров был тяжело ранен. Эвакуировали генерала с поля боя чуть ли не напрямик на пост начальника Академии Генерального штаба, да еще с орденом Святого Георгия, врученным императором Александром II.

В Академии Генерального штаба ее бывший начальник Драгомиров был, что называется, не на слуху. Новый начальник и преподаватель стратегии Леер не жаловал своего предшественника, и подчиненные это уловили. Тем не менее, а может и потому, в кулуарах ходило много лестных и нелицеприятных историй, а также анекдотов, связанных с бывшим профессором тактики и начальником, свидетельствующих о самобытности и остроумии, независимом нраве острого на язык генерала Драгомирова, о том, что даже царствующие особы опасались его подковырок.

Рассказывали, будто раз после окончания маневров в Красном селе великий князь Николай Николаевич (младший), будучи командиром лейб-гвардии гусарского полка, устроил ужин и пригласил на него начальника Академии Генерального штаба Драгомирова. За ужином они

о чем-то горячо поспорили, и Николай Николаевич позволил себе какую-то резкость. Присутствующие затихли в ожидании ответа. Михаил Иванович очень сильно и в резких выражениях отчитал великого князя, а потом встал из-за стола и ушел.

Утром следующего дня великий князь прислал к Драгомирову одного из генералов побеседовать по поводу происшедшего. Выслушав генерала, Михаил Иванович произнес:

– Передайте великому князю, что, по-видимому, кто-то переврал все то, что произошло. Помню, что выпито было много. Но совершенно не помню и не допускаю даже мысли, чтобы великий князь позволил себе какую-то резкость по отношению к генерал-адъютанту, который много старше его годами и чином. Не могу допустить и того, что я позволил себе резкость по отношению к великому князю... Надо считать, что ничего не было.

У двух вышеупомянутых спорщиков навсегда сохранились хорошие отношения, а другим этот случай стал предостережением, что с Драгомировым надо быть очень осторожным – он никому не позволит наступить себе на ногу, независимо от авторитета и положения пытающегося это сделать.

Нашумевший разбор «Войны и мира» Драгомирова Лукомский прочитал еще подпоручиком. Выходило, что и граф наступил на ногу военному ученому, философу и патриоту, а тот не стерпел. При этом будущий генштабист был покорен логикой и системой взглядов Драгомирова и по наивности счел, что граф Толстой чуть ли не обязан был переписать свой великий роман после таких справедливых комментариев.

Позже, уже в Киевском военном округе, Лукомский более подробно познакомился с биографией и послужным списком командующего. Блестящая карьера сына небогатого дворянина из захолустья, выходца из Сербии восхитила его. Лучший ученик у дьячка в конотопской школе, курс фельдфебелей в Дворянском полку с отличием, лучший прапорщик в престижном лейб-гвардии Семеновском полку, Академия Генерального штаба с золотой медалью, второй за всю ее историю, служба в Генштабе и одновременно чтение лекций в альма-матер, высокая честь стать штатным профессором тактики и военной истории здесь же...

«Что им двигало и движет? – не раз задумывался Лукомский. – Только ли амбициозность провинциала? Вряд ли». Скорее всего, генералу просто подфартило ступить на любимую стезю и освоить военное дело, служение которому на благо Отечества приносило и приносит истинное удовлетворение и счастье. А награды и чины пришли как бы сами собой. Тесть однажды подтвердил это предположение, признавшись, что, как сын участника войны с Наполеоном, никогда не представлял себя в другой профессии.

«Как и я сам, впрочем, – подумал Лукомский, – не зря же мы так быстро сошлись...»

* * *

Штабс-капитан Александр Лукомский, закончивший с отличием Академию Генерального штаба, впервые увидел генерала Драгомирова, когда с группой новоявленных офицеров Генштаба был прикомандирован, как бы сейчас сказали, в качестве стажера к штабу Киевского военного округа. Округ, которому генерал Драгомиров в разных должностях отдал десятки лет своей жизни, был лучшим в России.

Недели через две после распределения по разным отделениям штаба округа новичкам сообщили, что они должны быть представлены генерал-адъютанту Драгомирову, а посему в назначенное время должны явиться в дом командующего войсками в полной парадной форме.

Штабс-капитан Лукомский был уже далеко не юношей, успел послужить, жениться и потерять жену, оставшись с пятилетней дочерью. Но, как и все новоиспеченные генштабисты, волновался в приемной в ожидании генерала. Говорили, что Драгомиров любит огоршить новичков неожиданным вопросом, а потому он боялся опростоволоситься.

Офицеры Генштаба выстроились вдоль левой стены просторной приемной Драгомирова. Начальник штаба округа генерал Шимановский с удовлетворением оглядел красавцев и попросил дежурного адъютанта князя Барятинского доложить о них генералу. Тот сразу же скрылся за массивной двустворчатой дверью, ведущей в кабинет генерала, и через минуту пригласил туда Шимановского. С правой стороны на расстоянии около метра от двери висел портрет государя в полный рост, с левой – генералиссимуса Суворова, поклонником и последователем которого считался генерал Драгомиров. Под портретом царя полукругом стояли девять стульев по числу приглашенных офицеров и их новых начальников, генералов Шимановского и Рузского.

Командующий округом появился в проеме двери неожиданно для Лукомского. При своей тучноватости генерал довольно резво направился к офицерам, прихрамывая и опираясь на палку. Был он среднего, а может, и немного ниже среднего роста. Если отвлечься от мундира с орденом Святого Андрея Первозванного, чертами лица с усами и седыми висками генерал действительно напоминал атамана Ивана Сирко, писанного Репиным с него для картины «Запорожцы». Вот только был генерал добродушен и приветлив, в отличие от своего изображения на картине, глаза его светились искренним и радушным любопытством к представителям нового поколения генштабистов.

Генерал Драгомиров действительно пребывал в хорошем настроении. В жизни каждого целеустремленного и успешного человека рано или поздно появляется отрезок времени, когда он позволяет себе поживать на лаврах, скажем так. Драгомиров считал, что у него как раз и наступил такой период – все в округе налажено, все идет своим чередом.

За прошедшие годы со дня своего назначения командующим генерал стал решительно избавляться в своем окружении от неучей, лодырей и явных мерзавцев и привлекать в округ толковых и знающих генералов и офицеров. Самыми важными критериями при этом были любовь к военному делу, желание служить Отчизне и исполнять свои обязанности не за страх, а за совесть, воспитывать и обучать солдат с пониманием того, что солдат-человек, обладающий умом, волей и чувствами. От командира требуется умение развивать его природные качества, относясь к нему с полным уважением. Конечно же, нажил много врагов среди тех, кто вынужден был перевестись в другой округ или выйти в отставку, а также среди их влиятельных покровителей. Но генерала это мало заботило, он был выше пересудов, слухи и наветы, казалось, отскакивали от него рикошетом, главное – добиться поставленной цели. Она и была вскоре достигнута: команда Драгомирова работала как хорошо отлаженный часовой механизм: каждый на своем месте четко исполнял порученное дело. Округ считался первым не только по уровню подготовки войск, но и по готовности к мобилизации и передислокации войск и службы тыла к границе с Австро-Венгрией – на случай войны.

В тот день настроение Драгомирову поднял и французский подполковник Анри Ниссель, прибывший ознакомиться с Киевским военным округом. Иностранец рассыпался в комплиментах генералу по поводу его французского языка, статей и книг и был очень удивлен, когда тот в ответ на комплименты ответил, что французский, как и немецкий, он изучил самостоятельно.

Тем не менее вряд ли кто, кроме самого Драгомирова, наблюдая за его распорядком дня, сможет согласиться с тем, будто генерал поживает на лаврах. Регулярные поездки в корпуса, личные проверки знания и соблюдения гарнизонного устава с последующими разборами, плановые и внеплановые учения и маневры с максимальным приближением к боевой обстановке под руководством самого командующего. При этом, случалось, все валились с ног, а неутомимый Драгомиров – на коне.

– Ну, это уже рутина, движение по скучной накатанной колее, – благодушно усмехнется генерал. – Самое важное – ее накатать...

На самом деле он понимал и важность рутины – ежедневного и неукоснительного выполнения своих должностных функций: именно она помогает постоянно поддерживать в частях тот самый боевой дух, боеготовность, которых не без труда и настойчивости удастся добиться. Рутинность – это автоматизм, с которым профессионал исполняет свой долг, что позволяет освободить мозг для новых идей и творческих замыслов.

Неоценимую помощь человеку оказывает рутинность, когда в душе провал и она ни к чему не расположена, когда ничего делать и ни о чем думать не хочется. Тут рутинные обязанности перед собой и перед своим делом просто спасают, вытягивают постепенно из повседневных дел и забот в построение новых творческих планов и занятий.

В свободное от мобилизующей ум и волю рутины время Драгомиров читал и переводил с французского, а в эти дни готовил к печати в издательстве В. Березовского в Петербурге сборник «Четырнадцать лет», в который вошли оригинальные и переводные его статьи, а также книгу «Очерки» для издания киевским книгопродавцем Н. Оглоблиным. Здесь он решил собрать самые дорогие для него вещи – «Разбор „Войны и мира“», эссе «Русский солдат», «Наполеон I» и «Жанна д'Арк».

Встречу и знакомство с новичками, офицерами Генштаба, прикомандированными к округу, генерал воспринимал как нерутинную, с любопытством и интересом: она давала ему возможность не только вспомнить себя в начале карьеры, но и оценить перспективность будущих военачальников, а также уровень подготовки в нынешней академии.

– Господа офицеры! – скомандовал генерал-квартирмейстер Рузский, который должен был представлять их Драгомирову. Все подтянулись.

– Отставить, – произнес подошедший к шеренге генерал. – Вижу, молодцы. Обойдемся без формальностей.

Он остановился у стоящего первым и пристально посмотрел на него.

– Штабс-капитан Эрдели, – представил его генерал Рузский. Драгомиров пожал офицеру руку и, обращаясь к нему, спросил:

– А по имени-отчеству?

– Иван Егорович! С вашего позволения, господин генерал.

– Позволяю, – улыбнулся Драгомиров. – Расскажите, Иван Георгиевич, где довелось послужить, с какими результатами закончили академию, почему решили прибыть в наш округ...

А потом, отведя взгляд от Эрдели, обратился ко всем:

– Чтобы не терять время, приготовьтесь и вы кратко ответить на эти же вопросы.

Когда его взгляд остановился на Лукомском и Рузский произнес его фамилию, тот внятной скороговоркой отрапортовал:

– Александр Сергеевич. Служил в 11-м саперном батальоне императора Николая I. За отличные успехи в науках недавно произведен в штабс-капитаны. Хотел и рад возможности обучиться служению Отечеству в лучшем военном округе России!

– Надеюсь, вы, штабс-капитан, далеки от лести и действительно так думаете и, послужив здесь, не передумаете, – просто произнес генерал, вроде бы и не приняв комплимента.

Лукомскому понравилась такая реакция. Понравился и генерал доброжелательностью и искренностью.

Познакомившись со всеми, Драгомиров пригласил их занять стулья у противоположной стороны. Ординарец в сопровождении адъютанта генерала, князя Барятинского, вынес из его кабинета и установил кресло Драгомирова. На взгляд Лукомского, оно ничем не отличалось от тех двух, что стояли у стола в приемной, но, видимо, генерал привык к своему и чувствовал разницу.

– Прошу вас, господа, занять места, я хочу побеседовать с вами относительно службы при моем штабе.

Подождал, пока все рассядутся, и направился к своему креслу. И вдруг остановился, осененный какой-то мыслью, а потом, чуть улыбнувшись, произнес:

– Э, нет, знаете что, – придется передислоцироваться к другой стене. Негоже сидеть, когда государь император стоит! Князь, пожалуйста, распорядитесь.

Пока стулья передвигались на другую сторону приемной, Лукомский наблюдал за Драгомировым, силясь понять, пошутил он над императором или всерьез счел непочтительным сидеть перед портретом, но так ничего и не решил. Вспоминая этот эпизод спустя несколько лет, когда уже получше узнал генерала в военной и домашней обстановке, став зятем командующего, осознал – Драгомиров тогда скорее пошутил. Тесть был ревностным сторонником и защитником монархии, уважал Александра II, хотя ко многим его реформам и потворству либералам относился с настороженностью. Преклонялся перед мощью и волей Александра III, сумевшего добиться для России высокого международного авторитета, однако скорбел, видя слабование Николая II и постепенное расшатывание престижа царской власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.